

ГОРОДА И БЮРГЕРСТВО В КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЕ В ГЕРМАНИИ (НА ПРИМЕРЕ ШВАБИИ)

Бурные события исторической значимости последних лет и возникающая в связи с этим необходимость пересмотра некоторых считавшихся в советском обществоведении основополагающими ценностей мировой цивилизации усилили интерес к прошлому, особенно к переломным эпохам как в отечественной, так и всемирной истории. Этот интерес в значительной мере обусловлен опытом происхождения современной цивилизации и ее демократических учреждений. Есть основания полагать, что один из первых шагов движения к ценностям современной цивилизации в Западной Европе был сделан в начале XVI в. во время Реформации и Крестьянской войны в германских землях. Но историки и сегодня спорят, чем же были эти события: попыткой реформы институтов средневековой империи во избежание трагедии гражданской войны или революцией с ее насильственной ломкой этих институтов.

Еще к началу второй половины прошлого столетия относится формирование в западной (прежде всего немецкой) историографии традиционного направления ("старой школы"), представители которого Г. Франц, А. Ваас, Г. Ангермайер, В. П. Фукс и Г. Герлах (см.: 49, 83, 34, 50, 51) и сегодня видят в Реформации обычное для средних веков еретическое движение, а в Крестьянской войне — только крупное народное восстание, отрицающая какую-либо генетическую связь между этими историческими явлениями (19, с. 84-85, 166-173). Западная ("буржуазная") историография долгое время отвергала или игнорировала марксистскую точку зрения на события Реформации и Крестьянской войны, трактовавшую их как раннюю буржуазную революцию (см.: 30, с. 10-11; 15, с. 8-18), и лишь в конце 60-х — первой половине 70-х гг. положение изменилось, когда Х. Бусцелло, Д. У. Сейбин, П. Бликле (см.: 42, 73, 38) и другие западные ученые вступили в научную полемику с историками-марксистами и сформулировали концепцию революции "простого человека". Сторонники этой концепции придают особое значение вопросу о политическом содержании событий 1525 г. и их социальной направленности. Они видят в этих событиях демократическое движение крестьян, бюргеров, земских, или княжеских, городов, непатрицианского населения имперских городов и горняков за автономию городских и деревенских общин, широкие социальные и политические преобразования в региональных масштабах и отказываются рассматривать общественное движение как проявление классовой борьбы в ее "марксистском понимании" (18, с. 227-246). Близкую концепции революции

"простого человека" точку зрения на эти события как "хилиастическую революцию в феодальном обществе", "революционное движение с социально-революционными тенденциями или же как революцию в рамках средневекового строя" высказывает Р.Дюльмен (см.: 46).

Вывод о правомерности упомянутых выше точек зрения на Реформацию и Крестьянскую войну можно сделать, точно рассмотрев научные концепции сквозь призму действительно имевших место фактов. Поэтому автор настоящей статьи намерен обратиться к программным документам общественного движения, судебным материалам, переписке современников, очевидцев и участников событий, хроникам Реформации и Крестьянской войны. Комплексное исследование всех этих источников, по его мнению, позволит создать в достаточной степени достоверную картину исторического процесса. С целью выполнения данной задачи необходимо рассмотреть: 1) связь Реформации с революционным движением горожан и крестьян; 2) отношение к крестьянскому восстанию городов различных типов и различных категорий их населения; 3) солидарные действия и программные требования горожан и крестьян; 4) участие городского бюргерства в решении аграрной проблемы революции; 5) проекты политических преобразований и место в них городского бюргерства и крестьянства. Географический регион исследования - Швабия и некоторые сопредельные с нею территории Франконии. Не рассматривая общественное движение в Швейцарии во время Крестьянской войны в Германии специально, автор статьи в то же время уделяет определенное внимание вопросу о влиянии на события в самой Швабии "швейцарского примера" (см.: 6, с. 96 след.; 16, с. 88-89).

* * *

К началу событий Крестьянской войны консервативные силы общества и католическая церковь, которые выступали за сохранение "старого порядка", противостояли умеренно-бюргерскому, радикально-бюргерскому и народному течениям в реформационном движении. Если представители умеренно-бюргерской оппозиции в основном ограничивали свою задачу реформой церкви и "христианского благочестия", радикально-бюргерская оппозиция выходила за эти рамки и намерена была осуществить преобразования государственной власти и общества. Деятели народной реформации стремились к установлению социального равенства и "царства Божьего". В юго-западном регионе германских земель группировку радикального бюргерства не могло удовлетворить учение Лютера о "двух царствах", или "двух сферах права", которое допускало только "духовный мятеж", "страдающее неповиновение" и исключало самую возможность устранения силой неугодных народу правителей (см.: 26, с. 197-207; 20, с. 136-137; 11, с. 189-191; 1, с. 256 след.;

27, с. 176 след.; 78, с. 101-110; 23, с. 127 след.; 44, с. 510-511; 39, с. 26-49; 57, с. 109-134; 58, с. 69 след.). Поэтому не только в Швейцарском Союзе, но и в Верхней Германии широкое распространение, наряду с лютеранством, получило учение Цвингли, которое допускало устранение "всей совокупности народа" отвергнутых Богом правителей (86, с. 346, 346, 352, 357, 359, 365-367, 369-370) и проведение крупных социально-политических преобразований (см.: 22, с. 308, 322-325, 339-341 след.; 26, с. 208-209; 14, с. 191-192; 44, с. 511-512; 59, с. 154-155; 56, с. 96-99, 104-106, 132-136, 147-149, 154, 168). В отличие от Лютера Цвингли представлял интересы радикальной группировки бюргерства, учение и программа деятельности последнего на данном этапе борьбы этой группировки за преобразование "системы феодализма" отражала необходимость разрешения наиболее острых общественных противоречий. Такое направление цвинглианство приобрело не без влияния на него идеологии гуманизма. Подвергая критике существующие порядки, особый гнев реформатор обрушил на тиранов-феодалов, которым угрожал суровыми карами, если они "не будут жить по Евангелию". Причину волнения он видел в ненависти народа к феодальным властителям и осуждал выступление Лютера против крестьян. Необходимо также иметь в виду, что Цвингли энергично защищал интересы всех собственников "нефеодалного типа" и отрицательно относился к уравнилельным требованиям, которые выдвигали Мюнцер и анабаптисты. Поэтому есть основания полагать, что сам Цвингли, сторонники и последователи его учения представляли в широком оппозиционном движении ту "среднюю равнодействующую всех прогрессивных сил", которая и отражала назревшую необходимость реформации не только католической церкви и "христианского благочестия", но и вместе с ними - государственной власти, социального строя и общественных отношений.

О перерастании реформационного движения в социально-политические акции свидетельствуют многочисленные факты. В качестве примера сошлемся на деятельность цвинглианского проповедника Кристофа Шаппелера в имперском городе Меммингене. Выступая с проповедями перед прихожанами в церкви св. Мартина, Шаппелер хотя и осуждал мятежные действия, за которые, по его словам, бедняков следует наказывать еще более строго, чем богачей, в то же время уже с 1521 г. не только подвергал критике официальную церковь, но и требовал отмены католической мессы, почитания икон и церковных десятин (74, с. 30). Летом 1524 г. Шаппелер возглавил массовое движение в городе и его округе за реформу церкви, отмену десятины и введение нового, более демократического порядка выборов в городской совет. Вскоре движение увенчалось успехом: церковь преобразована на цвинглианской основе, принято решение

об отмене десятин и изменен порядок формирования правящего совета (45, с. 44-46, 160). Отсюда можно заключить, что реформа церкви с необходимостью затрагивала и другие стороны жизни общества. Отмена десятин, облегчавшая положение трудящихся города и особенно деревни, создавала важную предпосылку для союза между ними в борьбе против существующего правопорядка. Это объясняет, почему события в Меммингене привлекли внимание руководителей крестьянских отрядов в Верхней Швабии, что превратило Мемминген в центр не только реформационного, но и крестьянского движения.

На связь Реформации с массовым общественным движением указывает и другой пример - крупного имперского города Аугсбурга, где центром реформационной пропаганды с мая 1524 г. стала церковь барфюсского монастыря, в которой должность проповедника занял популярный в народе монах-францисканец Иоганн Шиллинг (см.: 11, с. 269-273, 276-283, 286-292). По словам аугсбургского хрониста Вильгельма Рема, проповеди монаха "очень охотно слушал только простой народ, попы и некоторые члены совета слушали его без охоты" (69, с. 204-205). Источники сообщают и о том, что Шиллинг выступал "достойным осуждения образом" против духовных и светских властей, говорил о приоритете общины над-магистратом и утверждал, что "все вещи должны были бы стать общими", чем и "привлек на свою сторону плебеев, которые охотно поделили бы имущество богачей" (70, с. 156-157; 82, с. 26, 29). Проповедническая деятельность Шиллинга способствовала росту революционных настроений прежде всего среди городских низов, что и объясняет причину неприязни к нему правящей олигархии, которая и добилась изгнания монаха из города. Однако изгнание Шиллинга послужило поводом для бурных плебейских волнений 6 и 9 августа. Аугсбургский живописец и хронист Георг Прей Старший полагает, что "умиротворение стоило трудов", так как в эти августовские дни "один дом выступал против другого, и нигде не было порядка" (65, с. 31). События в Аугсбурге подчеркивают не только значение "реформационного фактора" в общественной жизни города, но и своеобразную реакцию горожан на первые крестьянские выступления весной и летом 1524 г.

Еще одним выразительным примером, свидетельствующим о перерастании Реформации в социальное движение, может служить деятельность Балтазара Хубмайера, которая началась в конце 1523 г. в небольшом городе Вальдсхуте, расположенном на швейцарско-германской границе и находившемся под властью австрийского правительства в Энзисхейме, и развивалась под влиянием Цюриха. Реформация в Вальдсхуте была проведена на цвинглианской основе: служба стала совершаться на немецком языке, статуи и иконы удалены из церквей. По словам одного из очевидцев, Хубмайер "стал читать мессу на немецком язы-

ке, разорил церкви, продал церковные одеяния, дароносицы и утварь". Он же разрешил прихожанам во время поста по субботним и воскресным дням кушать мясо и отвергал целибат. Все эти мероприятия были одобрены и поддержаны Цвингли (80, с. 44-45). Деятельность Хубмайера в это время еще не выходила за рамки программы бюргерской реформации, но ее характер резко изменился под влиянием массового народного движения, которое развернулось на юго-западе германских земель примерно с середины 1524 г.

В июне этого года фогт Лауфенбурга Ульрих фон Хабсберг в письме членам правительства в Энзисхейме уверял своих корреспондентов в тесной связи повсюду вспыхивающих крестьянских волнений, участники которых, по его словам, "грозили перебить всех попов и дворян", с деятельностью Хубмайера в Вальдсхуте и радикальных проповедников в других местах (32, с. 277). Эта оценка деятельности Хубмайера, вероятно, имела под собою основания. Дело в том, что Хубмайер еще в апреле или мае 1524 г. составил "18 тезисов", узнав о содержании которых, епископ Констанца обвинил их автора, что тот будто бы утверждал: "Никто не обязан давать чинши, десятины, ренты и оброки и пребывать в послушании и быть подданным своего начальства" (80, с. 35-37, 39). И хотя сам факт выступления Хубмайера с такой программой уже в первой половине 1524 г. вызывает сомнения, в то же время нельзя не согласиться с тем, что популярность автора этой программы росла с углублением и обострением общественного кризиса. Об этом, в частности, свидетельствует рассказ хрониста Генриха Хуга о возвращении Хубмайера осенью того же 1524 г. после почти двухмесячного изгнания в Вальдсхут, где "он был встречен с такой радостью, как будто сам Господь сошел к ним с небес" (54, с. 97). К тому моменту уже становится очевидным фактом тесное взаимодействие представителей радикального крыла Реформации с вожаками крестьянского движения. Вальдсхут установил союзнические отношения с крестьянами Шварцвальда и Клетгау, безоговорочно признал и поддерживал их требования об отмене личного крепостничества, феодальных чиншей и церковных десятин (37, с. 235-236). Так под влиянием революционных событий фактически произошел переход Хубмайера на сторону восставшего народа. Прежде всего именно это обстоятельство указывает на ту роль, которую он, по мнению современников и очевидцев, сыграл в истории Крестьянской войны.

По словам Генриха Буллингера, преемника Ульриха Цвингли на посту "реформатора Цюриха", поселившийся в Вальдсхуте Балтазар Хубмайер сначала был одним из наиболее прилежных и верных учеников Цвингли и усердно проповедовал "слово Божье", пока не прибыл в Вальдсхут к доктору Балтазару Томас Мюнцер - "большой бунтарь и совратитель". С этого момента, уверяет Буллингер читателя, Хубмайер "совершенно из-

менялся", потому что Мюнцер посеял в его душе не только анабаптизм, но и "всякие злые волнения". И далее Буллингер пишет, что от Хубмайера Мюнцер отправился в Гриссен, где проповедовал и действовал таким образом, что уже в ноябре 1524 г. возбудил всех крестьян "против господ Лупфенов и Зульцев". Так Мюнцер посеял семена страшного мятежа, которые дали обильные всходы в следующем 1525 г. (41, с. 223-224). Эта точка зрения Буллингера вряд ли может быть безоговорочно принята: во-первых, Буллингер писал об упомянутых выше событиях много лет спустя; во-вторых, изображая дело таким образом, что "злые волнения" были "занесены" не только на территорию Швейцарского Союза, но и в соседние с ним германские земли "чужаками". Впрочем, это не означает, что Буллингер сообщает заведомую ложь. Он пишет о действительно имевших место событиях, но трактует их по-своему, подчиняя повествование апологии цвинглианской реформации (22, с. 321-322, 378; 76, с. 94-118; 77, с. 196-203). В то же время Буллингер не был единственным современником и очевидцем событий, приписывавшим Хубмайеру выдающуюся роль в Крестьянской войне.

С точкой зрения протестанта Генриха Буллингера вполне совпадает мнение католика Генриха Хуга, который, характеризуя деятельность Хубмайера, называет последнего "злодеем перед Богом и совратителем народа". Хубмайер в Вальдсхуте, как пишет Хуг, не только осуществил преобразования церкви, но и сделал все, чтобы поднять народ на мятеж (54, с. 150-151). Еще более определенно на этот счет высказывается нотарий монастыря св.Блазия в Шварцвальде Андреас Летч, наблюдавший за событиями с достаточно близкого расстояния. Он сообщает о том, что в Вальдсхуте появился священник по имени Бальтазар и стал энергично проповедовать против всех духовных и светских властей, заявляя, что никто никому ничего не должен, такими речами возбудил крестьян против начальства, и они не пожелали больше иметь над собой никаких господ, кроме всемогущего Бога. Поэтому, уверяет хронист читателя, если все как следует обдумать, "тот самый доктор Бальтазар окажется зачинщиком всей Крестьянской войны" (67, с. 86). Близкой этой точки зрения придерживались и официальные власти - члены переднеавстрийского правительства в Энзисхайме и магистрата Цюриха (66, N 402-403, с. 390-391). И хотя эти точки зрения, с одной стороны, носят предвзятый характер, приписывая Хубмайеру роль, которую тот, вероятно, все же на самом деле не играл, с другой - указывают на факт тесной взаимосвязи радикально-бюргерской реформации с движением широких народных масс.

Несмотря на тенденциозный характер свидетельств источников о Хубмайере и неоднозначные оценки его роли в современной историографии (см.: 60, с. 94-95; 61, с. 46 след.; 49,

с. 135-137; 51, с. 77; 37, с. 53; 22, с. 345, 347, 380; 24, с. 874), все же можно сказать, что его деятельность свидетельствовала о возможности выступления при соответствующих общественных условиях представителя радикальной бюргерской оппозиции на стороне восставшего народа. При этом, правда, необходимо иметь в виду, что, с одной стороны, Хубмайер чутко реагировал на все крупные перемены в социально-политической обстановке, и линия его поведения отражала сначала факт перерастания революционной ситуации в вооруженное восстание, развитие последнего по восходящей линии, затем спада и поражения антифеодального движения; с другой стороны, деятельность Хубмайера указывает и на то обстоятельство, что группировка радикального немецкого бюргерства хотя и встала на путь "буржуазного перерождения", но еще находилась в самом начале этого пути и не успела приобрести черты и качества буржуазии нового времени.

Исключительную роль реформационному движению в возникновении и развитии событий Крестьянской войны отводили лидеры феодально-католических сил, что нашло отражение в тайной переписке бургомистра Аугсбурга и представителя "городского сословия" в штаб-квартире Швабского Союза в Ульме Ульриха Артцта и баварского канцлера и фактического главы этого Союза Леонхарда фон Эка. Артцт в феврале 1525 г. писал, что повсюду возникающие мятежи появляются не сами по себе, а возбуждаются "некоторыми лицами духовного звания и учеными людьми". Они проповедуют новое учение, по которому ни один человек не должен принадлежать другому (43, 1879, N 34, с. 306). Пропаганду этого "неслыханно дерзкого учения" Артцт приписывал городам. В эти же дни Эк заявлял, что, по его убеждению, "многие города поддержали бы (крестьян), если бы они не опасались за свои состояния". По словам Эка, под влиянием революционных событий в городах произошел "большой раскол", так как "лютеровцы, которые бедны, считают крестьян правыми. Нелютеровцы и лютеровцы, которые богаты, считают крестьян неправыми" (40, с. 381, 402). Выводы Эка вряд ли бесспорны. Факты свидетельствуют о том, что в большинстве случаев городские низы и среднее бюргерство сочувствовали или даже поддерживали крестьян, независимо от своей католической или "евангелической" веры, а среди "лютеровцев, которые богаты", также были люди, причем не только адепты учения Лютера, но и других конфессий, выражавшие симпатии "делу крестьян" и считавшие их требования "справедливыми". Вместе с тем содержание корреспонденции Артцта и Эка не оставляет сомнения в том, что эти лидеры феодально-католических сил были убеждены, с одной стороны, в неразрывной связи Реформации с социальным движением народных масс города и деревни; с другой - так же, как и другие современники и очевидцы событий, далеки от того, чтобы видеть

в социальных противоречиях выражение лишь конфессиональных разногласий и "религиозного фактора", хотя и придавали последнее решающее значение.

Реакция на события Крестьянской войны не была одинаковой как со стороны городов различных типов, так и различных социальных прослоек их населения. Прежде всего отметим, что особенно активно себя проявляли княжеские города, которые требовали предоставления им статуса имперских городов и ликвидации сеньориального режима. Такие требования выдвигали жители Кинцингена (54, с. 87), Мергентхайма (64, с. 133), Кемптена (68, с. 379-381, 491), Вайсенхорна (68, с. 62, 66-72, 76-79), Мескирха и Оберндорфа (84, с. 524, 543, 627; 43, 1880, N 332, с. 334; N 354, с. 345). Горожане Кемптена, требуя освобождения от феодального гнета, заявляли, что в его условиях "простой человек не может добыть себе достаточного пропитания". Среди бюргеров Мергентхайма по этой же причине преобладало мнение, что всех немецких князей следует перебить, а их владения поделить среди нуждающихся. По мере борьбы за установление коммунального строя, как об этом свидетельствует пример Вайсенхорна, переплеталась с борьбой за демократизацию органов городского самоуправления и изгнание из них представителей как католической церкви, так и феодального дворянства. Отсюда можно заключить, что в сложившейся к 1525 г. политической ситуации коммунальное движение горожан приобретало черты антифеодальной социальной революции, задачей которой становилось не только упразднение в городах власти феодальных сеньоров, но и преобразование всего общественного правопорядка.

События Крестьянской войны обнаружили близость экономических и социальных интересов крестьян и населения прежде всего, небольших княжеских городов. В этой связи заслуживают внимания требования восставших бюргеров Форхейма и Бамберга. Повстанцы в Форхейме требовали: 1) свободы охоты и рыбной ловли; 2) снижения церковной десятины до 1/30 доли урожая; 3) отмены поборов за пользование землями альменды; 4) ликвидации податных привилегий духовенства и дворянства; 5) юрисдикции светских судов над духовенством по долговым обязательствам последнего (52, с. 15-26; 67, с. 315). Бюргеры Бамберга требовали свободы евангелической проповеди, отмены привилегий духовенства и дворянства. Формально признавая епископа сеньором города, они отказывались, однако, приносить присягу капитулу, требовали отмены малой десятины, восстановления прав горожан и крестьян на земли альменды (67, с. 408). Антифеодальная тенденция общественного движения достаточно отчетливо себя проявляла и в имперских городах. В Швейш-Галле бюргеры вместе с крестьянами городской округи намерены были овладеть земельными владениями ордена иоаннитов и других монастырей (67, с. 417-418). На-

гистрат Меммингена под влиянием революционных событий и по требованию горожан пошел на отмену в своей округе лично-наследственной зависимости крестьян, объявил о свободе охоты и рыбной ловли, установил свободу выбора деревенских священников, причем личная зависимость крестьян не была здесь восстановлена и после поражения восстания (74, с. 129; 44, с. 523; 59, с. 232; 38, с. 161, 225-226). На основании рассмотренных выше фактов можно сделать вывод, что крестьян и горожан объединяла борьба за реформу церкви, секуляризацию и раздел церковного землевладения, уменьшение или даже полную отмену десятины, уравнивание в правах всех сословий и отмену лично-наследственной зависимости. Упразднение последней означало признание свободы исхода сельских жителей в города и свободу обращения на рынке не только товаров, но и рабочей силы.

Своеобразными чертами характеризуются программные требования плебейско-бюргерской оппозиции в Аугсбурге, где в конце августа или начале сентября 1524 г. возник заговор. Заговорщики намерены были осуществить насильственный переворот и поставить во главе цеховых корпораций и в городском совете людей, "которые не были бы против слова Божьего" (70, с. 190-194). Заговорщики составили программу в 12 статьях, из которых известны только 9, так как 3 статьи, полагает издатель этой программы В. Фогт, были самыми радикальными и их не назвал никто из арестованных даже под пытками (82, с. 14). Программа городской бедноты и цеховых ремесленников была принята на одном из заседаний заговорщиков 3 сентября в доме каменщика Хаза (70, с. 19). 4 из 9 статей посвящены церкви и решению религиозного вопроса. Ст. 1 требовала проведения в жизнь принципа свободы евангелической проповеди, ст. 3 и 4 - секуляризации церковных имуществ и отмены большой и малой десятины, ст. 8 - отмены податных привилегий духовенства. Ст. 2, 5, 6 и 7 содержали требования ослабления податного бремени, свободы занятий пивоварением и выражали недоверие правящему совету. Эти статьи не выходили за рамки требований программы местной бюргерской оппозиции. Только в ст. 6 сформулировано требование "упразднить все компании", чтобы "каждый торговал за самого себя", которое отвечало интересам не только аугсбургского бюргерства, но и являлось продолжением общественного движения, развернувшегося еще до Реформации вокруг вопроса о так называемых "монополиях" (см.: 21, с. 196 след.; 25, с. 386; 10, с. 201-202). В наиболее радикальной по содержанию ст. 9 сказано, что если "кто-либо из членов совета воспротивится им (т.е. заговорщикам. - Ю.Н.), того они намерены принудить к повиновению силой". В целом программа заговора, хотя его история не содержит достоверных фактов о контактах его участников с крестьянским движением, в условиях подъема обществен-

ного движения все же указывала путь, на котором движение бурgeoisства и городских низов, направленное против господства правящей олигархии и католической церкви, могло слиться с освободительным движением крестьянства.

События Крестьянской войны убедительно показали, что успехом могло увенчаться только бурgeoisское движение, прочно опиравшееся на союз с крестьянскими массами. Наглядное тому подтверждение - события в дунайской низменности/Риза, которые еще в конце прошлого века были обстоятельно исследованы Л.Мюллер. Крестьянское движение в Ризе отличалось значительным размахом, и его руководители встали на путь установления контактов с бурgeoisской оппозицией, особенно в Нердлингене. Однако лидер бурgeoisской оппозиции в этом городе, популярный в народе Антони Форнер, из опасения репрессий со стороны Швабского Союза не только не поддерживал крестьян, но и выступил против союза с городами Динкельсбюлем и Ротенбургом (63, т. 15, с. 118), что указывает на недостаточную политическую зрелость той группировки немецкого бурgeoisства, которая в конечном счете оказалась неспособной повести за собой народ на борьбу за свержение феодального режима и установление нового общественного строя. Но отметим и тот факт, что в этом же бурgeoisстве существовали силы, отразившие в своей деятельности более высокую степень осознания необходимости поддержки крестьянства.

В этой связи заслуживает внимания движение в Нердлингене и его окрестностях, которое возглавил стеклодув по профессии Бальтазар Фенд. Он выдвинул проект, предусматривавший закрытие монастырей, изгнание католического духовенства и графов Эттингенских, введение "евангелической веры", отмену всех феодальных чиншей, присоединение всей территории Риза к Нердлингену и установление на ней республиканского строя (63, т. 15, с. 55; т. 16, с. 57). Один из документов архива Артцта не оставляет сомнения, что в осуществлении этой программы Фенд намерен был опираться на революционное движение крестьян и широких слоев городского населения (43, 1883, N 650, с. 83). Г.Франц полагает, что проект Фенда не нашел поддержки со стороны крестьян (49, с. 213). Факты, однако, вносят корректив в такую интерпретацию событий. Когда ночью с 3-го на 4-е апреля 1525 г. в Нердлингене началось восстание, Фенд попытался убедить повстанцев, что справедливость в этом мире может быть восстановлена только с помощью крестьян. Но против союза с крестьянами выступил Форнер, и его точка зрения возобладала: город официально отмежевываясь от действий крестьянского отряда в Дайнингене. Победа Форнера, однако, не означала отказа Фенда от поддержки крестьянского движения в Ризе, в котором многие сторонники последнего приняли активное участие (63, т. 16, с. 57, 60, 69, 74), и проект Фенда не был

реализован по той причине, что общественное движение, с помощью которого его автор намерен был достичь намеченной цели, потерпело поражение. В то же время и программа Фенда, конечно же, не отражала требования плебейской оппозиции. По существу Фенд сформулировал требования той радикальной группировки немецкого бюргерства, которая более всего была заинтересована в реализации проекта преобразований, подготавливавших почву для быстрого развития капитализма. Но стойкость и последовательность, проявленные Фендом и его сторонниками и выражавшие историческую необходимость политического союза в борьбе против феодального строя нарождавшейся буржуазии с широкими слоями населения города и деревни, не стали нормой практической деятельности радикальной бюргерской оппозиции. Последняя, проявляя склонность к компромиссам с противостоящими ей силами, не сумела, однако, надежно защитить как общенародные, так и собственные интересы.

Радикальная оппозиция в городах, имевшая целью создание общенародного союза борьбы с феодальным порядком, активно себя проявляла и в других местах юго-западного региона германских земель. Так, в Кемптене деятельность этой оппозиции была связана с именами "евангелических проповедников" - Ганса Эберлина и Эндреса Видемана. Первый из них призывал к войне против всех феодальных властей и Швабского Союза, чтобы "изгнать и перебить духовных и светских (господ), а также простых дворян". Видеман "проповедовал новое проклятое еретическое учение" и энергично вел пропаганду в сельских округах городов Вальдзее, Лейткирха и Меммингена, в самом Кемптене, призывая к устранению феодальных властителей (43, 1883, N 770, с. 161-165; N 775, с. 168; N 783, с. 171; N 786, с. 172-173; N 787, с. 181-182). Кемптенский бюргер Маттеус Берс, находясь по торговым делам в Меммингене, призывал горожан к восстанию и пытался убедить их, что благодаря крестьянским волнениям предоставляется благоприятный случай захватить власть не только в Меммингене, но и в Кемптене (32, N 385, с. 319-320). Все эти факты свидетельствуют о существовании во время Крестьянской войны радикальной группировки в городах, которая выступала за свержение феодальных властителей и крайние меры по отношению к обоим "благородным сословиям".

Подтверждением таких наблюдений может служить деятельность крестьянского отряда в Альгау под предводительством Йерга Кнопфа (см.: 22, с. 396-399, 401-409, 413, 453; 62, с. 57 след.), который, по словам санкт-галленского хрониста Иоганнеса Кеслера, мирной тактике переговоров руководителей других отрядов в Верхней Швабии предпочел меч (55, с. 176, 180 след.). На допросах Кнопф показал, что он советовался с горожанами "о всех делах". Причем Кнопф надеялся

привлечь на свою сторону не только плебейские низы, но и бюргерскую оппозицию, хотя и сознавал, что магистрат Кемптена стоял за урегулирование конфликта с аббатом "на правовой основе" и путем переговоров, тогда как радикальные элементы городского плебейства и бюргерства выступали за то, чтобы предать владения сеньора города "разорению, разрушению и сожжению". Настроения последних полностью соответствовали планам самого Кнопфа, который намерен был во всей Швабии закрыть монастыри, изгнать и перебить дворян, "захватить имущества последних и освободить всех "бедных людей" от власти духовных и светских феодальных властителей; при этом монастыри и рыцарские замки, по убеждению того же Кнопфа, следовало сжечь или разрушить. Кнопф показал также, что решение о секуляризации владений Кемптенского аббатства и разрушении рыцарских замков было принято с согласия и одобрения горожан. С целью реализации этой программы Верхнеальгауский отряд намерен был вступить в союз с городами Кемпеном, Меммингеном, Кауфбойреном, Исни и в отношении первых двух городов, по словам Кнопфа, добился претворения своего плана в жизнь (32, N 407, с. 348-349; N 419, с. 379-387; N 423, с. 397). Таким образом, радикальная группировка в крестьянском движении, возглавляемая Кнопфом, вполне определенно следуя учению Мюнцера и программе народной реформации, ставила своей целью в союзе с городской оппозицией последовательную реализацию идеи насильственного общественного переворота.

Во время Крестьянской войны активно себя проявляла и плебейская оппозиция, которая порою выдвигала собственную программу требований, что, в частности, можно проследить на примере Аугсбурга. Здесь, как мы видели, в проповедях монаха-францисканца Шиллинга еще летом 1524 г. звучали призывы к установлению общности имуществ. В начале 1525 г. между католическим священником Иоганном Кретцем и последователем учения Цвингли Михаэлем Келлером развернулась острая полемика, в ходе которой оппоненты привели факты о том, что среди городской бедноты были люди, которые осуждали частную собственность, призывали к установлению общности имуществ, простоты нравов и обычаев в соответствии с буквой и духом Священного Писания (70, с. 187, прим. 67). Именно таких людей имел в виду хронист Клеменс Зендер, рассказывая о предостережительных мероприятиях магистрата, которые были направлены на то, "чтобы чернь не совершила предательства и не передала город в руки и власть мятежников" (75, с. 154). В первых числах апреля 1525 г. в Аугсбурге были арестованы некий Линхарт Майер и три его товарища, которые "произносили мятежные речи". Посещая дома бедняков, Майер говорил, что богачей следует казнить, а их имущества раздать нуждающимся беднякам. На допросе Майер показал также, что он на-

мерен был вместе со своими сторонниками в тот момент, когда крестьяне подойдут к стенам Аугсбурга, "схватить богатых плутов, умертвить, трупы сбросить с городских стен и разделить их имущества с крестьянами" (43, 1880, № 168, с. 243; № 188, с. 255). Таким образом, в Аугсбурге, несмотря на профилактические акции магистрата, продолжала существовать плебейская оппозиция, которая готова была пойти на крайние меры и устроить в городе "всеобщую кровавую резню". Настроения прежде всего таких радикальных элементов имел в виду Артцт, утверждая, что в штаб-квартире Швабского Союза преобладает мнение о враждебном отношении многих горожан к официальным властям и их сочувствию мятежным крестьянам (43, 1883, № 691, с. 102). С этим утверждением Артцта вполне можно согласиться, но возникает другой вопрос: каким образом поддержка горожанами "дела крестьян" была связана с идеей общности имущества и возможна ли была в условиях того времени реализация этой идеи на практике?

Рассматривая вопрос о характере деятельности плебейской оппозиции во время Крестьянской войны, Ф.Энгельс отмечает, что эта оппозиция была весьма разнородной по своему социальному составу и сильно зависела от крестьянского движения. "Лишь в Тюрингии под непосредственным влиянием Мюнцера и в других местах под влиянием его учеников плебейская часть городского населения была настолько увлечена революционной бурей, что зачаточный пролетарский элемент получил в ней кратковременный перевес над всеми остальными элементами, участвовавшими в движении". Однако деятельность этой радикальной группировки с необходимостью приобретала "преимущественно фантастический отпечаток и ... способ, каким она выражала свои требования, должен был отличаться большой неопределенностью, ибо она менее всего имела твердую почву в тогдашних общественных отношениях" (см.: 28, с. 354-356). Несколько страниц ниже, возвращаясь к вопросу о требованиях плебейской оппозиции, Энгельс делает вывод, что в ее деятельности "предвосхищение коммунизма в фантазии становилось в действительности предвосхищением современных буржуазных отношений". Подчеркивая, что идея общности имущества выдвигалась угнетенными и эксплуатируемыми массами в средние века издавна, Энгельс в то же время утверждает, что "только у Мюнцера эти пролески коммунистических идей впервые становятся выражением стремлений реальной общественной группы" (28, с. 363-364, 413). В другом месте, указывая на то, что "буржуазия с момента своего возникновения была обременена своей собственной противоположностью", и "при каждом крупном буржуазном движении вспыхивали самостоятельные движения того класса, который был более или менее развитым предшественником современного пролетариата", он полагает, что "таково было движение анабаптистов и Томаса Мюнцера во

время Реформации и Крестьянской войны в Германии" (29, с. 190-191). В целом отношение Энгельса к плебейской оппозиции отличается известная двойственность: с одной стороны, трезво оценивая сложившуюся в городах ситуацию, он представляет эту оппозицию "в виде шумной, склонной к грабежам толпы, которую можно купить за несколько бочек вина и которая плетется в хвосте у бюргерской оппозиции" (28, с. 355); с другой стороны, приписывает тому же плебейству благородные помыслы борца за справедливость и социальное равенство. В то же время вполне очевиден тот факт, что большинство участвовавших в общественном движении крестьян не разделяло призывов радикальных элементов в движении к обобществлению имущества, а стремилось к укреплению владельческих прав на землю и освобождению от стеснительных пут феодальной зависимости. Не вызывает сомнения и другой факт: руководствуясь различными мотивами, но в одинаковой мере энергично и последовательно в роли защитников института частной собственности выступало и подавляющее большинство городского бюргерства. "Предшественники современного пролетариата" зачастую являлись носителями социальной психологии, присущей городским люмпенам, и поддерживали требование обобществления имущества из сугубо эгоистических побуждений: секуляризацию церковно-монастырских владений и конфискацию собственности вообще всех богатей ("больших Гансов") они надеялись подвергнуть уравнительному переделу или полностью обратить на нужды городской благотворительности. Магистраты, руководствуясь собственными интересами, порою поддерживали в городских низах такие настроения, предупреждая в то же время последних, что этим планам могут помешать крестьяне, если они овладеют церковными имуществами и откажутся выполнять повинности в пользу благотворительных учреждений в городах. Так воздвигалась стена отчуждения между городом и деревней. Необходимо также иметь в виду, что плебейская оппозиция отличалась слабой организованностью и, как правило, была способна только на стихийные эксцессы.

Программные требования крестьян и имущих слоев бюргерства были далеки от уравнилельных идей. В обстановке массового общественного движения в конце февраля или первых числах марта 1525 г. в Меммингене руководителями крестьянского движения в Верхней Швабии была принята знаменитая программа "12 статей", являвшаяся синтезом многочисленных крестьянских жалоб: только в районе действий Бальтрингенского отряда крестьяне передали на рассмотрение Швабского Союза более 300 таких документов. В этой ситуации возникла острая необходимость сведения крестьянских жалоб и требований местного значения в единую программу. Предводитель Бальтрингенского отряда Ульрих Шмид занялся поисками людей, способных обосновать крестьянские требования с помощью Евангелия. Та-

ких людей он нашел в Меммингене, где за это взялись городской проповедник Кристоф Шаппелер и скорняк-подмастерье Себастьян Лотцер (см.: 22, с. 439-442; 59, с. 232; 80, с. 38-39). Оба эти деятеля бюргерской оппозиции находились под сильным влиянием учения Цвингли, выступали против насильственного свержения "старых властей" и делали все от них зависящее, чтобы разрешить конфликт противоборствующих сторон "на правовой основе" и избежать вооруженных столкновений. Эту линию их поведения, помимо прочего, можно объяснить и интуитивно осознаваемой лидерами общественного движения в юго-западном регионе германских земель опасностью гражданской войны.

Программа "12 статей", по мнению Г. Фоглера, имела в своей основе умеренную интерпретацию принципа "божественного права", и ее авторы были противниками "непослушания властям". Однако трактовка Шаппелером в преамбуле программы этого лозунга-требования отличалась известной двойственностью, так как не признавала мятежом повсеместно происходившие собрания крестьян и их объединение в вооруженные отряды (80, с. 40-41). Определяя значение программы "12 статей", необходимо принять во внимание следующие обстоятельства: во-первых, сам факт появления общей программы крестьян и сформулированный в ней принцип "божественного права" способствовали установлению единства действий участников общественного движения; во-вторых, крестьянская программа была составлена под непосредственным влиянием радикальной реформационной доктрины, в чем прослеживается попытка бюргерской оппозиции подчинить своим целям и направить крестьянское движение в необходимое ей русло. Тот же Фоглер отмечает, что принцип "евангелизма", являющийся ключом к пониманию сущности "12 статей", можно трактовать не только как идеологическое обоснование крестьянских требований, но и как инструмент, с помощью которого реформационное движение пыталось воздействовать на деревню таким образом, чтобы осуществить в ней преобразования. Программа была направлена на улучшение экономического, социального и правового положения крестьян и отразила их субъективную реакцию на процесс зарождения капитализма и переходный характер эпохи (81, с. 215-217). П. Бликле называет "12 статей" швабских крестьян "книгой жалоб, программой требований и политическим манифестом" (38, с. 26). "Субъективная реакция" крестьян на новые веяния в социально-экономической жизни выразилась прежде всего в осознании ими факта необходимости ведения в новых условиях рентабельного хозяйства, что, по мнению авторов программы, возможно лишь в том случае, когда это хозяйство вел свободный производитель. Отсюда становится понятным, почему бюргерская оппозиция энергично поддерживала требование об освобождении крестьян от лично-наслед-

ственной зависимости и проистекавших из последней повинностей. Точку зрения современников на программу швабских крестьян высказал убежденный противник революции монах-бенедиктинец Иоганнес Кнебель, по словам которого, "ее статьи служили (делу) свободы, потому что каждый (человек) должен был стать свободным и не иметь над (собой) никаких господ, кроме Бога и императора" (68, с. 250). В высказывании Кнебе-ля, несмотря на тенденциозную оценку его автором самих событий Реформации и Крестьянской войны, достаточно точно отражено отношение очевидцев и участников этих событий к самому популярному документу крестьянского освободительного движения.

Примером решения "крестьянского вопроса" в соответствии с интересами радикальной группировки немецкого бюргерства может служить политический памфлет анонимного автора "Собранию простого крестьянства" (см.: 33). Этот документ Крестьянской войны вызвал противоречивые оценки как в западной (см.: 85, с. 334-337; 83, с. 224; 42, с. 82 след., 114-115, 117-118, 127), так и в марксистской (см.: 53, с. 530 след.; 23, с. 127 след.; 36, с. 68; 59, с. 248-250; 80, с. 57-59) историографии. Поскольку автор настоящей статьи уже обращался к анализу текста памфлета (см.: 17, с. 83-100), здесь он ограничивает свою задачу кратким рассмотрением таких сторон содержания документа, как: 1) концепция светской власти и ее назначение; 2) право подданных на сопротивление "безбожным правителям"; 3) отношение автора памфлета к событиям Крестьянской войны и программным требованиям крестьян.

Автор памфлета, формально признавая политическое верховенство императора, сосредотачивает в то же время внимание на проблеме территориальной власти и этических принципах ее деятельности. Он требует, чтобы власть не превращалась в "безбожную тиранию" и исполняла свои функции на благо всем подданным. Власть же тиранов попирает "общую пользу", разрушает единство власти и подданных, противопоставляя себя подданным как стоящая над ними сила. В памфлете также содержится резкая критика княжеского мелкoderжавия, корыстного образа правления князей и жестокого угнетения ими подданных. Называя таких правителей змеями, драконами и волками, Аноним пишет, что их сердца преисполнены равнодушием и презрением к "нищете простого человека". Осуждая тиранию, он обращается к историческому опыту Швейцарского Союза, познавшего жестокое угнетение простых людей тиранией дворян, от которой он освободился с помощью "большой войны, кровопролития и ударов меча" (ср.: 55, с. 198). Автор вообще избирает Швейцарский Союз в качестве примера для подражания. Идеализация в памфлете общественных порядков соседних с Германией швейцарских кантонов отразила настроения широких

слоев населения (см.: 70, с. 108; 43, N 393, с. 368; 67, с. 48; 47, с. 73). Аноним выступает также против средневекового принципа разделения властей на духовные и светские, заявляя, что власть должна быть сосредоточена в одних руках. Не вызывают также сомнения республиканские симпатии и даже убеждения автора памфлета. Его политическая концепция обнаруживает связь, с одной стороны, с идеологией гуманизма (см.: 28, с. 73), с другой - близость учению Цвингли о "христианском государстве" (см.: 71, с. 40, 49 след., 74-75, 108-112, 129-130), преодолевает дуализм учения Лютера о "двух сферах права" и предвосхищает некоторые положения политических доктрин нового времени о назначении самого института государственной власти.

В отличие от Лютера, который требовал от подданных послушания любым властям, автор памфлета развивает теорию о праве подданных на сопротивление и смещение "безбожных правителей", которых в таковых превращает тирания. Поэтому Аноним видит свою задачу в том, чтобы установить взаимосвязь права подданных на устранение "безбожных властителей" с буквой Библии. В этой связи он отмечает, что сначала подданные поверили Лютеру и "остались спокойными". Но теперь наступили другие времена. Первая заповедь гласит, что правители обязаны действовать не по своему произволу, а руководствуясь только "божественной юрисдикцией" и в допустимых Богом пределах. Вторая заповедь требует, чтобы власти служили добру, а не злу. Аноним утверждает, что Бог освободил подданных от послушания тем властям, которые нарушают эту заповедь. Поэтому если власти не будут внимать "голосу разума", общины тогда вправе вооружиться мечом и воздействовать на правителей силой. Бог разрешает подданным изгонять "безбожных властителей", которые своими действиями попирают "общую пользу". Рассматривая вопрос, как устранять "безбожные власти", автор памфлета выражает убеждение, что это право принадлежит общинам, их объединениям и не может быть делом "мятежного плебса". Общины обязаны предостеречь свержение правителей, к чему призывают "простой народ" "живые пророки". Такие рекомендации отражают не только социальную ориентацию анонимного автора, но и позицию радикальной группировки городского бюргерства.

Вслед за творцами "12 статей" анонимный автор признает правомерность выступления крестьян против феодальных господ и рассматривает эти выступления как реализацию права подданных на сопротивление тирании, поскольку именно сейчас, когда созданы большие отряды, Бог, по его словам, открыл двери в крепость своей веры. Аноним, однако, озабочен тем, что "господа", используя излившуюся доверчивость крестьян, обманут их, а руководители крестьянских отрядов упустят благоприятный момент, чтобы привести движение к победонос-

ному завершению. Он же поддерживает только умеренное направление в крестьянском движении и резко осуждает деятельность его радикального крыла. Имея в виду, по всей видимости, анабаптистов и Мюнцера, автор памфлета пишет, что "пророки, возбуждающие мятежи, действуют против Бога, и призывы к мятежу не принесут простому народу ничего, кроме страданий". Поэтому он рекомендует крестьянам встать на путь урегулирования отношений с "господами" путем переговоров, противопоставляя мятежным настроениям и действиям принцип "братского единения и любви". По его мнению, отряды прибегающие к насилию, сами становятся "безбожными", по справедливому приговору Бога подвергаются избиению, поскольку они превращаются в "отвергнутую Богом тиранию" (ср.: 48, с. 236; 35, с. 269, 278-279, 284-285, 302; 72, с. 473; 480, 489, 497-498; 79, с. 261-262; 55, с. 197-198; 14, с. 192-194, 196-201). Этими соображениями в значительной степени обусловлено и отношение автора памфлета к программным требованиям крестьян.

Он резко осуждает феодальных властителей, взимающих со своих подданных "несправедливые поборы", считая угнетение этими властителями "простых людей" проявлением осуждаемой Богом тираннии. Аноним обрушивает огонь критики на епископов и прелатов церкви, притесняющих народ рейтами, оброками и другими поборами "сверх всякой меры". "Кровавые злодеяния князей церкви", как он полагает, осуждены и Богом, и миром. Так автор памфлета подводит читателя к мысли о необходимости секуляризации церковных имуществ (в первую очередь землевладения), но оставляет открытым вопрос о судьбе этих имуществ. Он объявляет также "незаконным" и проявлением "ужасной тираннии" захват феодалами общинных угодий, что сильно затруднило "простому человеку" изыскание средств на пропитание вдов и сирот. Поэтому Аноним требует восстановления свободы пользования альмендой для всех, "кто сидит на своих наделах". Это требование направлено как против захватчиков общинных угодий - феодальных сеньоров, так и против многочисленного в юго-западном регионе германских земель отряда "ткачей-крестьян" (Webern), главным источником существования для которых было ткачество, а подспорьем служили парцеллы пахотной земли (или всего лишь приусадебные участки) и права на пользование альмендой. Д. У. Сейбин достаточно убедительно показал, что "ткачи-крестьяне" подвергались капиталистической эксплуатации со стороны городских "раздатчиков" (Verlegern) (см.: 73, с. 39, 100-102). Отметим также, что требование возвращения земель альменды общинам автор памфлета связывает с революционным прошлым "простых людей" и особенно - "любезным мне союзом Башмака". Он же выступает за упорядочение пошлин, прямых и косвенных налогов, которые впредь должны поступать на общественные нуж-

ды, а не на удовлетворение корыстных интересов феодальных господ. Автор памфлета открыто выражает симпатии и поддержку крестьянам, которые ведут борьбу с феодалами за укрепление владельческих прав на землю (или даже превращение своих наделов в частную собственность) и за отмену лично-наследственной зависимости.

М.М.Смирин и М.Штейнмец утверждают, что Аноним отражал интересы крестьянской верхушки и зажиточных слоев деревенского населения, и идеал социального равенства нигде не встречается на страницах памфлета (23, с. 130, 134; 59, с. 250). В этой связи необходимо принять во внимание следующее. Автор памфлета, несомненно, является противником идеи общности имущества и сторонником института частной собственности. Но в то же время в памфлете ясно выражена мысль о необходимости ликвидации политических и социальных привилегий духовенства и дворянства, предоставления бурgeois и крестьянам равных прав с представителями "благородных сословий" феодального общества. Аноним выступает в роли защитника интересов всех собственников нефеодального типа, призывая крестьян не простирать руки на состояния других людей и не обогащаться за их счет. Такая реакция на крестьянские требования и такие настроения в бурgeoisкой среде были широко распространены во время Крестьянской войны в юго-западном регионе германских земель, о чем, в частности, убедительно свидетельствуют городские хроники (12, с. 136-142). И это следует признать закономерным явлением, поскольку нарождающийся класс городской и сельской буржуазии в условиях той эпохи стремился к преобразованию феодальной собственности (в том числе на землю) в "свободное достояние" и тем самым фактически способствовал ее вовлечению в систему рыночных отношений.

* * *

Теперь подведем некоторые итоги.

Центральным вопросом любой революции, как известно, является вопрос о в л а с т и. Согласно марксистской точке зрения, политическая борьба, с одной стороны, "представляет собой не что иное, как иллюзорные формы, в которых ведется действительная борьба классов друг с другом" (8, с. 32); с другой стороны, "переход государственной власти из рук одного в руки другого к л а с с а есть первый, главный, основной признак р е в о л ю ц и и" (4, с. 133). Революция, по словам В.И.Ленина, принадлежит к тому периоду истории, "когда в сравнительно короткие промежутки времени столкновение борющихся общественных сил решает вопрос о выборе страной прямого или зигзагообразного пути развития на сравнительно очень продолжительное время" (3, с. 8-9). Таким образом, революция (по Ленину) "исправляет" "зигзаго-

образное" движение человечества по ступеням прогресса и придает такому движению необходимую закономерность. Между тем К.Маркс и Ф.Энгельс еще в "Манифесте коммунистической партии" возвестили, что "история всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов", всегда имевшей своим итогом победу одного класса над другим или гибель участвующих в борьбе классов (9, с. 424). Следовательно, марксистская концепция революции, в том числе переходной от феодализма к капитализму эпохи, сводится к тому, что любая революция (как высшая форма политической борьбы), какой бы "иллюзорной" она не представлялась нашему сознанию, имеет своим итогом победу буржуазии, выступающей в союзе с широкими народными массами, или ее поражение. Сторонники такой концепции трактуют политический компромисс буржуазии со "старыми классами" феодального общества как проявление недостаточной "зрелости" самой буржуазии и "незавершенности" буржуазной революции переходной от феодализма к капитализму эпохи. Марксистская концепция выдвигает на роль "повивальной бабки" истории вообще и оптимального механизма перехода от феодальной системы к капиталистической - н а с и л и е. Сторонники этой точки зрения приводят в качестве аргумента победоносные ранние буржуазные революции XVI-XVIII вв. в Нидерландах, Англии и Франции. Но другим народам Западной Европы, в том числе Германской империи, такие революции не известны. Данное обстоятельство по крайней мере ставит под сомнение тезис марксистской историографии о безусловной закономерности и неизбежности революции в качестве обязательного условия перехода от феодализма к капитализму. Отсюда можно заключить, что поскольку творцами истории являются люди, они же делают выбор между революцией и эволюцией, мирным путем развития и гражданской войной, диктатурой (или авторитарной властью) и демократией. Попытаемся, однако, эти теоретические положения рассмотреть сквозь призму событий Крестьянской войны в Швабии.

В памфлете-призыве "Собранию простого крестьянства" и в некоторых программных документах, отразивших деятельность бюргерской оппозиции в юго-западном регионе германских земель, было выдвинуто требование, на что обращают внимание и западные историки, о передаче власти от прежних ее структур территориальным крестьянско-бюргерским союзам и об изменении функции самого института власти. И хотя тезис, трактующий институт власти как общественную должность, впервые был сформулирован еще Лютером, только представители радикального крыла бюргерской оппозиции поставили в повестку дня вопрос о приведении этого принципа в соответствие с реальной действительностью, т.е. предприняли попытку перенести его из области теории на почву практики. Правда, в Швабии во время Крестьянской войны общественное движение не выдвинуло

проектов, предусматривавших создание единого национального немецкого государства. Причину такого явления следует искать не только в положении Германии к 1525 г., но и в ее прошлом, когда она, в отличие, к примеру, от Англии и Франции, не использовала в силу объективных и субъективных обстоятельств своего исторического шанса на создание централизованного государства. В таких условиях даже радикальные элементы бюргерской оппозиции ограничивали свою задачу строительством нового типа государственности на территориальной основе. Другой фактор, который необходимо иметь в виду, это - влияние "швейцарского примера". К началу революции швейцарские кантоны в длительной и упорной борьбе с феодальными суверенами (прежде всего Габсбургами) образовали в политическом отношении независимую от Империи конфедерацию, общественный строй которой идеализировался не только на уровне обыденного сознания, но и в той или иной мере и на уровне теоретическом - гуманистами и лидерами общественного движения в Швабском районе Крестьянской войны. Однако при благоприятном исходе революционных событий вполне реальной могла стать перспектива превращения территориальных государственных образований в промежуточное звено на историческом пути к централизованному государству федеративного или конфедеративного типа.

Исход революционных событий во многом зависел от позиции городов и различных слоев их населения. В этой связи отметим, что патрицианско-бюргерская верхушка южнонемецких городов во время Крестьянской войны, как правило (что особенно наглядно прослеживается на примере Аугсбурга), выступала на стороне сил "старого порядка", сосредотачивая усилия как на подавлении "беспокойных элементов" в самих городских общинах, так и на предотвращении солидарных действий городской оппозиции с восставшими крестьянами. Правда, успех или неудача этих усилий во многом определялись соотношением социальных сил в самих городах. Дело в том, что в тех случаях, когда правящая олигархия утрачивала контроль над событиями, не только плебейские низы, но и среднее бюргерство вовлекалось в революционный процесс и оказывалось на стороне восставших крестьян. В то же время позиция самого бюргерства не отличалась последовательностью: с одной стороны, оно находилось в оппозиции к существующему правопорядку, католической церкви и феодальному дворянству, с другой - испытывало страх перед уравнительными тенденциями в общественном движении и являлось сторонником ненасильственных средств в разрешении социальных конфликтов. Необходимо также принять во внимание, что то же бюргерство многими нитями было связано с феодальным землевладением, которое, правда, оно же стремилось преобразовать, как уже отмечалось, в "свободное достояние", т.е. фактически в буржуазную собст-

венность. На первый взгляд, неизменными были симпатии к восставшим крестьянам плебейства городов. Многочисленные факты и на самом деле указывают на участие в революционных событиях тех социальных слоев, которые можно рассматривать в качестве "предшественников современного пролетариата". При этом, однако, необходимо иметь в виду, что в крестьянских отрядах в Швабии, к такому выводу пришел еще Ф.Энгельс, "мюнцерская партия" "всюду составляла меньшинство" (28, с. 401). И хотя современная историография вносит корректив в этот вывод (в Альгау, в частности, в Кнопфе и его сторонниках есть основания видеть убежденных мюнцерианцев), этот же вывод следует признать правомерным в том смысле, что в отличие от Тюрингии в Швабии во время Крестьянской войны преобладало влияние представителей иного направления в реформационном движении. Программные требования, тактика и стратегия деятельности лидеров и идеологов этого направления определялись прежде всего положениями цвинглианской реформационной доктрины, которая отражала настроения и интересы имущих слоев городского и деревенского населения, были устремлены к достижению компромисса с противостоящими им силами и к преобразованию феодальных институтов ненастоящими средствами. Любой крестьянин, и вообще каждый "простолудин" (*der gemeine Mann*), готовы были на определенных условиях признать за дворянами права землевладельцев, но отказывались признавать за ними права феодальных сеньоров. Очевиден и тот факт, что попытки радикально-бюргерской оппозиции направить массовое народное движение на реализацию программы ранней буржуазной революции хотя и имели место, но потерпели неудачу. Произошло это, помимо прочего, и по причине как недостаточной политической зрелости "буржуазных элементов" в самой бюргерской оппозиции, так и в силу неприятия значительной частью народных масс ценностей новой системы экономических отношений и соответствующего ранней стадии мануфактурного капитализма социально-психологического менталитета, что было тесным образом связано с живучестью в средневековых городах люмпенско-уравнилельных настроений. Последнее обстоятельство, в равной степени и противодействие сил "старого порядка", создавали трудно преодолимые преграды на пути радикальных преобразований государства и общества.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Голубкин Ю.А. Эволюция представлений Мартина Лютера о светской власти и ее роли в Реформации (1527-1525 гг.) // ЕГИ. 1978. М., 1979.
2. Каутский К. Предшественники новейшего социализма. Т. 2. Коммунизм в германской реформации. М., 1919.

3. Ленин В.И. Против бойкота // Поли. собр. соч. 5-е изд. Т. 16.

4. Ленин В.И. Письма о тактике // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 31.

5. Майер В.Е. Современники Реформации о роли народных масс в общественном перевороте // Культура эпохи Возрождения и Реформация. Л., 1981.

6. Майер В.Е. Крестьянство Германии в эпоху позднего феодализма. М., 1985.

7. Майер В.Е. Вопрос о власти в программных документах Крестьянской войны в Германии // Классы и сословия средневекового общества. М., 1988.

8. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3.

9. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4.

10. Некрасов Ю.К. О роли торгово-ростовщического капитала в горнорудной промышленности германских земель XVI в. // Проблемы экономического и политического развития стран Европы в античную эпоху и средние века. М., 1975.

11. Некрасов Ю.К. Южнонемецкий город в начале Крестьянской войны (май - сентябрь 1524 г.) // ЕГИ. 1976. М., 1977.

12. Некрасов Ю.К. Городские хронисты первой половины XVI в. о причинах и характере Крестьянской войны в Германии // СВ. 1977. Вып. 41.

13. Некрасов Ю.К. О роли городов в событиях крестьянской войны в Германии (по материалам хронистики XVI в.) // Вестник МГУ. Истор. сер. 1977. N 4.

14. Некрасов Ю.К. Социально-политические вопросы в освещении немецкой хронистики XVI в. // ЕГИ. 1977. М., 1978.

15. Некрасов Ю.К. Реформация и Крестьянская война в германских землях XVI в. как раннебуржуазная революция (историография, причины и предпосылки революции). Вологда, 1984.

16. Некрасов Ю.К. Об отношении радикально-бюргерской оппозиции к Крестьянской войне // Социальные отношения и политическая борьба в средневековой Германии (XI-XVI вв.). Вологда, 1985.

17. Некрасов Ю.К. Концепция "революции простого человека" в современной западногерманской историографии // ЕГИ. 1985. М., 1986.

18. Некрасов Ю.К. Томас Мюнцер и швейцарские анабаптисты XVI в. об идее общности имущества // ИСУ. 1987.

19. Некрасов Ю.К. Крестьянская война в Германии в освещении традиционного направления буржуазной историографии ФРГ // Проблемы германской истории: Эпоха феодализма. Ижевск, 1989.

20. Павленко В.Г. Социально-политические воззрения М. Лютера по "Застольным речам" // Проблемы германской истории.

Вологда, 1973. Вып. 2.

21. Савина Н.В. Купеческие компании и общественное движение в Германии первой трети XVI в. // Социальная природа средневекового бюргерства XIII-XVII вв. М., 1979.

22. Смирин М.М. Томас Мюнцер и Великая крестьянская война. 2-е изд. М., 1955.

23. Смирин М.М. Об одном анонимном политическом памфлете Великой крестьянской войны // Вестник МГУ. Ист.-фил. сер. 1958. Вып. 3.

24. Смирин М.М. Губмайер // СИЭ. М., 1983. Т. 4.

25. Смирин М.М. К истории раннего капитализма в германских землях (XV-XVI вв.). М., 1989.

26. Смирин М.М. Эразм Роттердамский и реформационное движение в Германии: Очерк из истории гуманистической и реформационной мысли. М., 1978.

27. Соловьев Э. Непобежденный еретик: Мартин Лютер и его время. М., 1984.

28. Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7.

29. Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19.

30. Эпштейн А.Д. История Германии от позднего средневековья до революции 1848 г. М., 1981.

31. Akten zur Geschichte der Stühlinger Erhebung des Jahres 1524 / Hrsg. W. Stolz // ZGOR. 1929. Bd. 42.

32. Akten zur Geschichte des Deutschen Bauernkrieges aus Oberschwaben / Hrsg. von F.L. Baumann. Freiburg im Breisgau, 1877.

33. An die Verammlung Gemeiner Bauernschaft: Eine revolutionäre Flugschrift aus dem deutschen Bauernkrieg (1525) / Hrsg. von S. Hoyer, P. Rudiger u. M.M. Guchmann. Leipzig, 1975.

34. Angermeier H. Die Vorstellung des gemeinen Mannes von Staat und Reich im deutschen Bauernkrieg // VSWG. 1988. Bd. 53.

35. Anshelm, Valerius, genannt Rud. Berner Chronik von Anfang der Stadt bis 1526. Bern, 1833.

36. Bensing M., Hoyer S. Der deutsche Bauernkrieg. 2. Aufl. Berlin, 1970.

37. Bergsten T. Balthasar Hubmaier: Seine Stellung zur Reformation und Taufertum 1521-1528. Kassel, 1981.

38. Blickle P. Die Revolution 1525. München; Wien, 1975.

39. Bornkamm H. Luthers Lehre von Zwei Reichen im Zusammenhang seiner Theologie // ARC. 1958. Bd. 49.

40. Die Briefe des Kanzlers Dr. Leonhard von Eck aus der Zeit des Bauernkrieges // Vogt W. Die bayerische Politik im Bauernkrieg und Kanzler Dr. Leonhard von Eck, das Haupt des Schwäbischen Bundes. Nordlingen, 1883. Anhang.

41. Bullinger, Heinrich. Reformationsgeschichte / Hrsg. von J.J. Hottinger u. H.H. Vögeli. Frauenfeld, 1838. Bd. 1.
42. Buzello H. Der deutsche Bauernkrieg als politische Bewegung: Mit besonderer Berücksichtigung der anonymen Flugschrift an die Versammlung gemeiner Pawerschaft. Berlin, 1888.
43. Die Correspondenz des Schwäbischen Bundeshauptmann Ulrich Artzt von Augsburg aus den Jahren 1524-1527 / Hrsg. von W. Vogt // ZHV. 1879-1883. Bd. 8-10.
44. Deutsche Geschichte. Bd. 1. Von den Anfängen bis 1788. Berlin, 1887.
45. Dabel F. Henningen in Reformationszeitalter nach handschriftlichen und gleichzeitigen Quellen. Henningen, 1877.
46. Dülmen R., van. Reformation als Revolution: soziale Bewegungen und religiöser Radikalismus in der deutschen Reformation. München, 1977.
47. Elben A. Vorderösterreich und seine Schutzgebiete im Jahre 1524: Ein Beitrag zur Geschichte des Bauernkrieges. Stuttgart, 1889.
48. Franck, Sebastian. Chronica, Zeytbuch und Geschichtsbybel von anbegyn bis gegenwertig M.D. XXXI jar. Straßburg, 1531.
49. Franz G. Der deutsche Bauernkrieg. 4. Aufl. Darmstadt, 1956.
50. Fuchs W.P. Das Zeitalter der Reformation. München, 1973.
51. Gerlach M. Ein Vergleich zwischen den Englischen Bauernaufstand 1381 und dem Deutschen Bauernkrieg. Heidelberg, 1968.
52. Gückel M. Beitrag zur Geschichte der Stadt Forchheim. Bamberg, 1898.
53. Hesselbarth M. Eine Flugschrift aus dem Großen Deutschen Bauernkrieg // ZFG. 1953. H. 4.
54. Hug, Heinrich. Villinger Chronik von 1485 bis 1533 / Hrsg. von Ch. Roder. Tübingen, 1883.
55. Kessler, Johannes. Sabbata mit kleineren Schriften und Briefen / Hrsg. von E. Egli u. R. Schoch. St. Gallen, 1902.
56. Köhler W. Huldrych Zwingli. 2. Aufl. Leipzig, 1954.
57. Lau F. Der Bauernkrieg und das angebliche Ende der Lutherischen Reformation als spontaner Volksbewegung // JLG. 1959. Bd. 26.
58. Lau F. Zwei Reiche Lehre // RGG. 1962. Bd. 6.
59. Laube A., Steinmetz H., Vogler G. Illustrierte Geschichte der deutschen frühbürgerlichen Revolution. Berlin, 1974.
60. Loserth J. Doctor Balthasar Hubmaier und die Anfänge

der Wiedertaufe in Mähren. Brünn, 1893.

61. Mau W. Balthasar Hubmaier. Berlin; Leipzig, 1912.

62. Miller A.M. Jorg Schmid von Leubas, genannt von Knopf // LB. 1956. Bd. 4.

63. Müller L. Beiträge zur Geschichte des Bauernkrieges im Ries und seinen Umlande // ZHV. 1889-1890. Bd. 15-18.

64. Oechsle F.F. Beiträge zur Geschichte des Bauernkrieges im schwäbisch-fränkischen Grenzlande. Heilbronn, 1830.

65. Preu, Georg d.A. Die Chronik der Stadt Augsburg (1512-1537) // CDS. 1906. Bd. 29 (6).

66. Quellen zur Geschichte der Täufer in der Schweiz. Bd. 1: Zürich / Hrsg. von L. von Muralt u. W. Schmid. Zürich, 1952.

67. Quellen zur Geschichte des Bauernkrieges / Hrsg. von G. Franz. München, 1963.

68. Quellen zur Geschichte des Bauernkrieges in Oberschwaben / Hrsg. von F.L. Baumann. Stuttgart; Tübingen, 1878.

69. Rem, Wilhelm. Chronika der neuer geschichten // CDS. 1894. Bd. 25 (5).

70. Roth F. Augsburgs Reformationsgeschichte. Bd. 1. (1517-1530). München, 1901.

71. Rother S. Die religiösen und geistlichen Grundlagen der Politik Huldrych Zwinglis: Ein Beitrag zum Problem des christlichen Staates. Erlangen, 1956.

72. Ryhiner, Heinrich. Chronik des Bauernkrieges // Basler Chroniken. Leipzig, 1902. Bd. 6.

73. Sabean D.Y. Landbesitz und Gesellschaft am Vorabend des Bauernkrieges: Eine Studie der sozialen Verhältnisse im südlichen Oberschwaben vor 1525. Stuttgart, 1972.

74. Schlenck W. Die Reichsstadt Memmingen und die Reformation // MGBL. 1969.

75. Sender, Clemens. Die Chronik der Stadt Augsburg von den ältesten Zeiten bis zum Jahre 1536 // CDS. 1894. Bd. 23 (4).

76. Schulze W.A. Bullingers Beschreibung der Wiedertäufer // ZGOR. 1958. Bd. 106.

77. Steinmetz M. Das Müntzerbild von Martin Luther bis Friedrich Engels. Berlin, 1971.

78. Stern L. Martin Luther und Philipp Melancthon - ihre ideologische Herkunft und geschichtliche Leistung. Berlin, 1953.

79. Stumpf, Johannes. Schweizer- und Reformationschronik / Hrsg. von E. Gagliardi, H. Müller u. F. Büsser. Basel, 1952. T. 1. (Quellen zur Schweizer Geschichte. Bd. 5.)

80. Vogler G. Die Gewalt soll gegeben werden dem gemeinen Volk: Der deutsche Bauernkrieg 1524-1526. Berlin, 1975.

Bd. 23 (4).

76. Schulze W.A. Bullingers Beschreibung der Wiedertäufer // ZGOR. 1858. Bd. 106.

77. Steinmetz M. Das Muntzerbild von Martin Luther bis Friedrich Engels. Berlin, 1971.

78. Stern L. Martin Luther und Philipp Melancthon - ihre ideologische Herkunft und geschichtliche Leistung. Berlin, 1953.

79. Stumpf, Johannes. Schweizer- und Reformationschronik / Hrsg. von E.Gagliardi, H.Müller u. F.Büsser. Basel, 1952. T. 1. (Quellen zur Schweizer Geschichte. Bd. 5.)

80. Vogler G. Die Gewalt soll gegeben werden dem gemeinen Volk: Der deutsche Bauernkrieg 1524-1528. Berlin, 1975.

81. Vogler G. Die revolutionäre Gehalt und räumliche Verbreitung der oberschwäbischen Zwölf Artikel // Revolte und Revolution in Europa. HZ. 1975. Beiheft 4 (NF).

82. Vogt W. Johann Schilling der Barfüsser Mönch und der Aufstand in Augsburg im Jahre 1524 // ZHV. 1979. Bd. 6.

83. Waas A. Die Bauern im Kampf um Gerechtigkeit (1300-1525). München, 1964.

84. Zimmerische Chronik / Hrsg. von A.Barack. 2. Aufl. Freiburg im Breisgau; Tübingen, 1881. Bd. 2.

85. Zimmermann W. Geschichte des Großen Bauernkrieg. Stuttgart, 1840.

86. Zwingli, Ulrich. Werke / Hrsg. von M.Schuler und J.Schulthess. Zürich, 1828. Bd. 1.